

О ВРЕМЕНИ ЗАВЕРШЕНИЯ СМУТЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Д. В. Лисейцев

Российская академия наук,
Институт российской истории, г. Москва

Статья посвящена дискуссионному в отечественной исторической науке вопросу о времени завершения Смутного времени в России. Автор, опираясь на анализ текстов сочинений Авраамия Палицына, Ивана Тимофеева и ряда других публицистов начала XVII в., приходит к выводу о том, что современники Смуты связывали её завершение не с избранием на престол Михаила Романова в 1613 г., а с подписанием Деулинского перемирия, завершившего войну с Польшей.

Ключевые слова: *Московское царство, Смутное время, публицистика.*

Охвативший в начале XVII в. Российское государство глубокий кризис, получивший ёмкое название «Смута», в современной исторической науке стал одной из популярных тем. Это связано, в числе прочего, и с учреждением нового государственного праздника – Дня народного единства – и грядущим 400-летним юбилеем освобождения Москвы от оккупации в 1612 г. Всплеск интереса к эпохе Смуты не может не радовать специалистов по отечественной истории XVI–XVII вв. С другой стороны, любая активная популяризация темы или события всегда имеет и оборотную сторону. Это, в частности, появление большого числа посвящённых данной тематике работ, имеющих скорее публицистический, нежели научно-исследовательский характер.

В настоящей статье рассматривается одна из дискуссионных проблем отечественной истории начала XVII столетия – вопрос о времени завершения Смуты. Активная пропаганда нового праздника, 4 ноября, привела к тому, что события 1612 г. для многих россиян превращаются едва ли не в дату окончания Смутного времени в Московском государстве. Но эта тема, безусловно, требует более глубокого и взвешенного анализа. Следует иметь в виду, что Смута начала XVII в. была сложным и продолжительным по времени явлением и включала в себя целую череду масштабных событий, коснувшихся самых разных сторон жизни русского общества. Поэтому указать точную дату ее завершения невозможно, да и вряд ли нужно. Однако определить хотя бы приблизительные хронологические рамки Смутного времени представляется необходимым, поскольку расхождения в вопросе о

времени начала и конца Смуты весьма значительны: речь идёт даже не о месяцах, а о годах¹.

Автор данной статьи, занимаясь историей Смуты начала XVII в., также посчитал нужным высказать соображения относительно хронологических рамок этого важного эпизода российского прошлого, склоняясь к мнению, что называть момент избрания на российский престол Михаила Романова концом Смуты неправомерно. Факт избрания царя оказался переломным моментом в Смуте, но никак не её завершением. На протяжении ещё нескольких лет после 1613 г. страна пребывала в чрезвычайно тяжёлом состоянии: западные земли Московского царства находились под оккупацией польско-литовских и шведских войск; претензии на обладание царским венцом выдвигались от лица польского королевича Владислава, шведского принца Карла-Филиппа и сына Марины Мнишек – «Воренка». Продолжалось социальное противоборство в стране: мятежное выступление казаков атамана Баловня длилось до июля 1615 г. Поход королевича Владислава на Москву в 1618 г. едва не завершился взятием русской столицы. И лишь после подписания 1 декабря 1618 г. перемирия с Речью Посполитой в деревне Деулино прекратились военные действия. В июне 1619 г. из польского плена вернулся в Москву отец царя Михаила – Филарет Никитич, ставший фактически главой российского правительства; церковь после 7-летнего «вдовства» обрела патриарха². Напомню также, что современники событий продолжали называть своё время «смутным» и после воцарения Михаила Романова. В частности, руководители Посольского приказа даже в июне 1617 г. на переговорах с английским посланником Джоном Мерриком были вынуждены констатировать: «... самому ему, князю Ивану, ведомо, что ныне в Московском государстве от многие войны торговые всякие люди пооскудели, ведомо ему, которой год в Московском государстве смута»³.

Высказанные соображения приводят к мысли о том, что завершение Смутного времени следует связывать не с избранием на престол Михаила Романова, а с событиями 1618–1619 гг. Впрочем, ряд исследователей связывают прекращение Смуты с воцарением Михаила Романова в 1613 г. Причины бытования последней точки зрения в отечественной историографии, в сущности, две.

Прежде всего, это нашедшая отражение в литературных источниках официальная тенденция, стремившаяся утвердить в умах мысль о том, что

¹ Обзор присутствующих в историографии точек зрения относительно хронологии Смутного времени был сделан в докладе К. А. Аверьянова на Всероссийской конференции в Кохме в 2010 г.: (Аверьянов К. А. Всероссийская конференция «Смутное время: итоги и уроки» // Российская история. 2010. № 6. С. 199–200).

² Лисейцев Д. В. Ещё раз о происхождении, содержании и хронологических рамках понятия «Смута» // Московский журнал. История государства Российского. № 4. 2002. С. 2–7; *Его же*. Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 8 (156). С. 318–328.

³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 35: «Сношения России с Англией». Кн. 4. Л. 217.

избрание нового монарха уже само по себе прекратило Смуту в Московском царстве. Русские послы, направленные в 1613 г. в империю Габсбургов, должны были уверять императора: «А которая была в Росийском государстве до него, государя, смута, и рознь, и в людех скорбь, того в радости забыл, кабы ничего не бывало»⁴. Однако подобные официальные заявления властей сами по себе ничего не доказывают. Правительство Василия Шуйского во время краткого затишья в боях со своими противниками в сентябре 1607 г. также спешило уведомить своих соседей – польского и шведского королей – о полном прекращении Смуты в России: «И ныне во всех наших великих государствах смуты никакие нет, и всех наших великих государств люди служат нам, прирожденному великому государю своему, с радостью»; «А которые города по воровской смуте посмутились были, и те города государю доби́ли челом, а достальные города у его царского величества в своих винах милости просят»⁵.

Второй причиной долговечности тезиса о прекращении Смуты в 1613 г. является ретроспективный взгляд на события начала XVII в. В отличие от современников и участников событий Смуты, мы знаем, что царю Михаилу, в отличие от его менее счастливых предшественников, удалось удержать за собой престол и стать родоначальником новой царской династии. Однако люди, жившие во втором десятилетии XVII в., заглянуть в будущее возможности не имели, а потому не имели и твёрдой уверенности историков последующих веков в том, что избрание на престол Михаила Романова знаменовало собой перелом в бурных событиях Смуты. Именно поэтому русские книжники – авторы сочинений о Смутном времени – принялись за подведение итогов Смуты не в 1613 г., когда исход событий был для них ещё неясен, а около 1618–1619 гг.

Впрочем, как уже указывалось выше, версия о прекращении Смуты с избранием на престол Михаила Романова имела сторонников в прошлом и находит их вплоть до настоящего времени. В современных исследованиях, в частности в недавно изданной монографии Д. И. Антонова, можно встретить утверждения, согласно которым «1613 г. является концом бедствий в описаниях книжников, летописцев и создателей иных памятников эпохи... В реальном сознании авторов источников избрание Романова стало очевидным свидетельством возвращения Божьей милости стране... Отождествлять Смуту с беспорядками, “шаткостью и беспутством” можно, лишь *оценивая* это явление; представления современников о природе бедствий связывают Смуту с грехами общества и казнями, не прекращавшимися со времени правления Годунова до избрания Романова, которое возвратило Божью милость людям»⁶.

⁴ РГАДА. Ф. 32: «Сношения России с Австрией и Германской империей». Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 52.

⁵ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 гг.: сб. док. М., 2003. № 55. С. 174; РГАДА. Ф. 79: «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 27. Л. 40–41 об.

⁶ Антонов Д. И. Смута в культуре Средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 165, 339–340.

Не все аргументы подобного рода можно признать справедливыми. Прежде всего, не вполне понятно, почему понятие «беспорядки» признается «оценочным», тогда как «грехи общества» – нет. Вряд ли стоит подробно комментировать и утверждение о том, что «грехи общества и казни» автоматически прекратились после избрания на трон Михаила Романова – достаточно упомянуть антиправительственные мятежи вроде движения атамана Баловня, а также вспомнить участь повешенного правительством царя Михаила 4-летнего сына Марины Мнишек. Большого внимания заслуживает обращение исследователя к авторитету сочинений русских авторов как к доказательству тезиса о прекращении Смуты в 1613 г.

В подтверждение этой мысли Д. И. Антонов обращается к сочинениям Авраамия Палицына и Ивана Тимофеева, делая вывод о том, что «конец Смуты знаменуется в “Истории” (Палицына. – Д. Л.), как и в иных публицистических сочинениях первой четверти XVII в., избранием на престол Романова»⁷. Даже если данное утверждение считать справедливым, оно никак не опровергает тезиса о том, что Смута продолжалась и после 1613 г. Авраамий Палицын и Иван Тимофеев вполне могли считать вступление на престол царя Михаила Федоровича завершением Смуты. Но утверждать, что их точка зрения соответствовала действительности, можно, лишь проанализировав ситуацию, сложившуюся в стране после воцарения Михаила Романова. Простое комментирование текстов сочинений Палицына или Тимофеева ничего в данном случае не даёт. А реальная обстановка в стране, отражённая в сухих и фактографичных строках приказного делопроизводства, гораздо менее оценочных, чем пространные сочинения публицистов, рисует картину, далёкую от идиллической.

Итак, считать Смуту прекратившейся с избранием на престол Михаила Романова достаточных оснований нет: составляющие Смутного времени – социальный, экономический, политический, духовный, династический кризисы, война с соседними державами – всё это продолжало сопровождать жизнь российского общества ещё несколько лет после принятия Земским собором 1613 г. его исторического решения. Тем не менее мы должны проверить, действительно ли российские публицисты первой четверти XVII в. связывали прекращение Смуты с воцарением Михаила Федоровича?

Прежде всего заметим, что Авраамий Палицын вовсе не завершает своего сочинения рассказом об избрании на престол Михаила Романова. Не менее подробно троцкий келарь повествует о походе королевича Владислава на Москву, о новой неудачной попытке поляков овладеть Троице-Сергиевым монастырём, а также о переговорах и заключении русско-польского перемирия. Последнее датированное событие, с которым мы сталкиваемся в сочинении Палицына, – известие об освящении храма во имя Сергия Радонежского в деревне Деулино. Это произошло 1 декабря 1619 г.⁸, в годовщину заключения Деулинского перемирия с Речью Посполитой. Очевидно, что прекращению противостояния с Польско-Литовским

⁷ Антонов Д. И. Указ. соч. С. 116.

⁸ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 239–248.

государством автор «Сказания» придавал большое значение, коль именно его описанием, а отнюдь не воцарением Михаила Романова, завершил он своё повествование о Смуте. Да и сам факт освящения храма в годовщину подписания перемирия показывает, что значимость этого внешнеполитического события осознавалась не одним лишь троицким келарем.

Напомним также, что Авраамий Палицын в своём сочинении совершенно чётко определил продолжительность Смуты в 14 лет: «... и до четырехнадесяти лет, отголе же смятение бысть во всей Руской земле»⁹. Если следовать логике Д. И. Антонова, по мнению которого начало Смуты следует связывать с избранием на престол Бориса Годунова¹⁰, то оговоренный Палицыным 14-й период должен был завершиться на исходе 1611 г., когда в Москве стоял польский гарнизон, а до избрания царем Михаила Романова оставалось более года. Если же считать, что Палицын считал концом Смуты 1612/13 г. (7121 г. от сотворения мира), то начало её придется отнести к 1599/1600 г. (7108 г. от сотворения мира), который не озаменовался ничем, что келарь Авраамий посчитал бы нужным описать в своей «Истории». Впрочем, относительно «смутного 14-летия» существует обширная литература; итог спорам относительно хронологических рамок «смятения» в сочинении Палицына три десятилетия назад подвёл Я. Г. Солодкин, обоснованно предложивший поместить эти 14 лет в промежуток времени от появления Лжедмитрия I в Польше (1604/05 г.) до подписания Деулинского перемирия (1618/19 г.)¹¹.

Обратимся к другому памятнику эпохи Смуты – «Временнику» дьяка Ивана Тимофеева. Согласно утверждению Д. И. Антонова, Тимофеев закончил повествование о Смутном времени воцарением Михаила Федоровича: «Смута заканчивается во “Временнике” избранием Михаила Романова – с обретением истинного государя стране возвратилась и милость Господа»¹². Однако, обратившись к тексту «Временника», мы вынуждены констатировать, что дьяк Тимофеев увязывал завершение Смуты не с одним лишь избранием на престол Михаила. Приведём полный фрагмент текста «Временника», в котором идёт речь о завершении Смутного времени: «До избрания и новоцарения воздвигнутого богом от рода в род наследника царского, государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всея Руси, и до возвращения опять на Русь из Литвы того, также богом данного, правителя – доброго государева по плоти отца, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, – в то время земля наша может уподобиться – по двум притчам – некоей оставшейся после мужа вдове, которая находится во власти своих же собственных рабов, разоряется, разрывается и как бы по жребиям разделяется, наказанная этим

⁹ Сказание Авраамия Палицына. С. 106.

¹⁰ Антонов Д. И. Указ. соч. С. 212.

¹¹ Солодкин Я. Г. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. XXXII. С. 299–300.

¹² Антонов Д. И. Указ. соч. С. 161.

по божию усмотрению»¹³. Таким образом, дьяк связывал прекращение Смуты не только с воцарением Михаила Романова, но и с возвращением из плена Филарета Никитича, с обретением Русской Православной церковью нового предстоятеля, которого она была лишена на протяжении семи лет. Смута, таким образом, по мнению Ивана Тимофеева, продолжалась до 1619 г., а отнюдь не до провозглашения царём Михаила Романова в 1613 г.

О воцарении Михаила Романова дьяк говорит довольно лаконично и почти иносказательно, в форме притчи «О вдовстве Московского государства»¹⁴. Однако и у Тимофеева, при внимательном рассмотрении, события Смуты не пресекаются воцарением Михаила Романова. В самом конце своего произведения дьяк упоминает о событиях 1618–1619 гг.: о походе королевича Владислава на Москву, о подписании Деулинского перемирия («второе наступление на нашу землю королевского сына... и приступ к стенам города... и как послы утвердили подписями мир на долгие годы»), о рукоположении в патриархи Филарета Никитича («трижды святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всей великой Руси, избранного по смотрению божию на превысочайший святительский престол»)¹⁵. Заметим, что отказ от подробного описания этих событий продиктован не малой их значительностью, а слабой осведомленностью Ивана Тимофеева о них: «... все то... тогда подробно опишут, когда найдутся на местах знающие – очевидцы и слышавшие, и умеющие писать... и стыдно писателю, не зная ясно, описывать то, что случилось, своими домыслами сочиня ложь, и без исследования воображать то, что делалось»¹⁶.

1613 г. не выглядит «концом бедствий» и в источниках летописного характера. Обратимся к самому известному летописному произведению о Смутном времени – «Новому летописцу». По характеристике Б. Н. Морозова, в этом произведении «с наибольшей полнотой освещены события междоусобицы и освобождения Москвы от поляков. “Новый летописец” оканчивается рассказом об избрании царём Михаила Романова в 1613 г. и о событиях первых лет его царствования (до 1630 г.), центральным из которых обозначено поставление в патриархи вернувшегося из плена отца царя Михаила Филарета Никитича в 1619 г.»¹⁷ Характеристика историка в целом не вызывает возражений. Событиям, последовавшим после избрания на престол Михаила Романова, в летописи отведено не так мало места – последние 100 из 431-й летописной статьи. Впрочем, относительно подробное изложение событий следует лишь до 1618–1619 гг.: после статьи «Об умолении и поставлении на патриаршество» Филарета Никитича летописные сведения весьма конспективны. Относительно подробно рассказывается лишь о первом браке царя Михаила и прибытии в Москву из Персии Ри-

¹³ Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 332–333.

¹⁴ Там же. С. 338.

¹⁵ Там же. С. 344, 345.

¹⁶ Там же. С. 345–346.

¹⁷ Морозов Б. Н. Смутное время глазами русских и иностранцев // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 466.

зы Господней¹⁸. Причём описания бедствий Московского царства в «Новом летописце» отнюдь не прерываются 1613-м г.: при внимательном прочтении легко обнаружатся и повествования «о Никаноровом воровстве» (нежелании казанского правителя дьяка Никанора Шульгина признать власть новообретённого государя), и о боях с Иваном Заруцким, и о поражениях русских войск в боях со шведами и поляками, и о казачьих мятежах, и о походе королевича Владислава на Москву¹⁹.

Равным образом, повествование о бедствиях Московского государства в «Бельском летописце» продолжается и после рассказа о воцарении Михаила Романова. Заметим, кстати, что об этом событии «Бельский летописец» сообщает крайне лаконично, а рассказ о «бедствиях» в нём продолжается вплоть до описания похода гетмана Сагайдачного на Москву в 1618 г., что вновь приводит нас к мысли о том, что в сознании современников конец Смуты знаменовался событиями 1618–1619 гг. После 1618 г. автор «Бельского летописца», подобно автору «Нового летописца», весьма немногословен (за исключением, пожалуй, описания московского пожара 1626 г. и Смоленской войны 1632–1634 гг.)²⁰.

Напомним, что за написание обобщающих сочинений по истории Смуты русские книжники принялись лишь на исходе второго десятилетия XVII столетия. Именно тогда закончил работу над своими «Мемуарами» архиепископ Арсений Елассонский, принялся за написание «Словес дней и царей» князь Иван Хворостинин²¹. Тогда же написаны были и труды Авраамия Палицына и Ивана Тимофеева. Палицын закончил свой труд, по мнению О. А. Державиной, в 1620 г. Сам Палицын совершенно определённо указал, что «Последова же ся и исправися книга сия... в лето 7128-го году» (т. е. в 1619/20 г.)²². Основная работа над текстом «Временника» была проведена Иваном Тимофеевым в 1616–1617 гг.²³, завершён же его труд был, судя по содержанию, после провозглашения Филарета Никитича патриархом.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: если современники видели в соборном избрании на престол Михаила Романова событие, которое подвело черту под Смутой, то почему в таком случае мы не имеем массы публицистических сочинений, вызванных к жизни этим событием? Единственным памятником, который, возможно, был инициирован избранием на престол царя Михаила, была «Повесть о Земском соборе 1613 го-

¹⁸ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 404–407.

¹⁹ Там же. С. 381–402.

²⁰ Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 262–266.

²¹ Елассонский А. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 204; Морозова Л. Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С. 30–31, 181, 189, 234.

²² Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. С. 29; см. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 248).

²³ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. С. 356.

да»²⁴, хотя вопрос о времени его написания всё ещё не решён. Между тем такие важные для современников происшествия, как пресечение династии Рюриковичей, избрание на престол Бориса Годунова, свержение Лжедмитрия I и воцарение Василия Шуйского, равно как и низложение последнего в 1610 г., породили целую серию сочинений русских авторов²⁵. Не потому ли, что акт избрания на престол царя Михаила, вопреки усилиям официальной пропаганды, не сулил моментального успокоения страны?

Действительно, для современников Смуты сам факт царского избрания в 1613 г. не был событием беспрецедентным: в памяти были ещё свежи и избрание на престол Бориса Годунова в 1598 г., и провозглашение в 1606 г. царем Василия Шуйского (этому акту также пытались придать видимость соборности), и принятие решения о приглашении на престол королевича Владислава в 1610 г., которое тоже, в свете последних данных, имело форму соборного решения²⁶. Вместе с тем очевидцы событий не могли не видеть, что каждый из перечисленных актов влёт за собой очередной виток нестабильности. Не могли современники не понимать и того, что избрание царя в 1613 г. произошло в наиболее неблагоприятных условиях: ни в 1598, ни в 1606, ни в 1610 г. царя не избирали, имея такое количество претендентов на трон и вражеской армии на подступах к столице.

Безусловно, факту избрания на престол царя Михаила авторы сочинений придавали большое значение, отрицать это было бы неверно. Однако осознание важности данного события пришло далеко не сразу. Постфактум, на исходе второго десятилетия XVII в., русские книжники пришли к констатации того, что избрание нового царя оказалось поворотным моментом в Смуте, поскольку именно при Михаиле Фёдоровиче Смута подошла к завершению. Равным образом, помня о том, что Смутное время началось при Борисе Годунове, люди начала XVII в., опять же постфактум, зачастую распространяли определение «Смута» на всё царствование этого монарха, с самого момента его избрания на престол. Поэтому, в конечном итоге, важно определить не тот момент, который книжник начала XVII в. назвал «концом» или «началом конца» Смуты. Важно зафиксировать тот момент, когда этот книжник, сказав себе «Смута кончилась», взялся за перо. А подобный порыв, как было отмечено выше, охватил русских книжников около 1619 г., к которому, на мой взгляд, и следует относить завершение Смутного времени в Московском государстве.

В целом же для определения времени начала и конца Смутного времени недостаточно обратиться к одним лишь литературным произведениям. Это материал крайне ненадёжный в силу как минимум двух причин. Во-первых, мы не можем быть уверены в том, что изложенные книжником идеи были актуальны для его современников (в подавляющей массе людей

²⁴ Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.

²⁵ Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 85, 94, 97, 110, 120, 124, 170, 177.

²⁶ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 188.

неграмотных). Иными словами, изложенное Палицыным – это факт сознания самого Палицына, но вовсе не обязательно – факт общественного сознания. Во-вторых, мы не можем знать, насколько искренне верил книжник идеям, которые переносил на бумагу, насколько его сочинение свободно от тенденциозности.

Думается, для определения примерных временных рамок Смуты надёжнее обратиться к словам людей, далеких от литературных трудов и политики, которые определяли современные им российские реалии понятием «Смута» с 1605 г. и, по меньшей мере, до 1617 г.²⁷ И, разумеется, следует помнить о том, что задача историка состоит не только в комментировании источника (при всей несомненной важности этого занятия). В противном случае наука рискует превратиться в схоластику. Учёный обязан видеть картину в целом. Применительно к нашему случаю – исследователь должен быть готов вместить в понятие «Смута» несколько больше, чем счёл возможным вложить в него Авраамий Палицын или Иван Тимофеев.

Список литературы:

1. *Аверьянов К. А.* Всероссийская конференция «Смутное время: итоги и уроки» // Российская история. 2010. № 6.
2. *Антонов Д. И.* Смута в культуре Средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009.
3. *Державина О. А.* «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М.- Л., 1955.
4. *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004.
5. *Лисейцев Д. В.* Ещё раз о происхождении, содержании и хронологических рамках понятия «Смута» // Московский журнал. История государства Российского. № 4. 2002.
6. *Лисейцев Д. В.* Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 8 (156).
7. *Морозов Б. Н.* Смутное время глазами русских и иностранцев // Хроники Смутного времени. М., 1998.
8. *Морозова Л. Е.* Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000.
9. *Солодкин Я. Г.* О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. XXXII.
10. *Станиславский А. Л., Морозов Б. Н.* Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.
11. *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 188.

²⁷ *Лисейцев Д. В.* Смутное время... С. 318–328.

ABOUT DATA OF FINISHING OF THE TIME OF TROUBLES IN THE MOSCOW KINGDOM

D. V. Liseitsev

The Russian Academy of Sciences,
Institute of the Russian history, Moscow

The article is devoted to a debatable historical question in historical about real data of finishing of Time of Troubles in Russia. The author, basing on the analysis of Avraamii Palicin`s, Ivan Timofeev`s and a number of other writings by commentators of the beginning of XVII century, concluded that contemporaries of the events connected its conclusion not with Michael Romanov's election on the throne in 1613, but with signing of the Deulinsky armistice which has finished the war with Poland.

Keywords: *the Moscow kingdom, the Time of Troubles, commentators of affairs*

Об авторе:

ЛИСЕЙЦЕВ Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

E-mail: liseitsev@mail.ru

LISEITSEV Dmitrii Vladimirovich – Kandidat of History, senior researcher of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 22.01.2011.